

О двойном понимании категорий объект и субъект научного познания

About double understanding of categories object and subject of scientific cognition

Лебедев С.А.

д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета МГУ им.
М.В. Ломоносова
e-mail: saleb@rambler.ru

Lebedev S.A.

Doctor of Philosophical Sciences, professor, main researcher, philosophy department, Moscow State
University (of Russia)
e-mail: saleb@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируется двойное понимание в истории эпистемологии категорий объект и субъект научного познания. Впервые на двойное понимание категории объект в философии и науке указал И. Кант: как «вещь в себе» и как «вещь для нас». Кант доказывал правильность понимания объекта в науке только как «вещи для нас». Так это и случилось позже в неклассическом естествознании. Начиная с теории относительности и квантовой механики, наука исходит из того, что объекта научного познания не существует без учета познавательных условий и средств его фиксации. Она утверждает и постоянно экспериментально доказывает это, что почти все свойства объектов являются относительными по отношению к системе их описания, в том числе и к принимаемым исследователями теоретическим и практическим предпосылкам. В реальной науке объект и субъект познания всегда связаны в единую познавательную систему («нет объекта без субъекта»). В современной эпистемологии аналогичная ситуация двойного понимания сложилась и в отношении другой ее фундаментальной категории – субъект научного познания. Кто является реальным субъектом научного познания: отдельный ученый (исследователь – «робинзон») или научное сообщество как коллективный субъект познания, как социальная когнитивная система? Очевидно, что традиционное или классическое понимание субъекта познания как отдельной личности было явно психологистским. Сегодня ему противостоит социально-историческая интерпретация субъекта научного познания. Такой субъект всегда является носителем обширной системы ранее накопленного в науке знания, опираясь на него как на абсолютно необходимое условие осуществления процесса научного познания. Ранее накопленное знание имеет для реального субъекта научного познания всегда априорный характер, хотя и относительный, то есть меняющийся в зависимости от целей, условий и задач познания. Это неизбежно приводит научное познание не только к историческому плюрализму научного знания, о чем убедительно свидетельствует вся история науки, как в целом, так любой отдельной науки, но и к наличию альтернативных научных подходов и концепций в каждую эпоху. Трансцендентального субъекта научного познания (или «субъекта вообще») в науке не существует так же, как в ней не существует и трансцендентального объекта (или «вещи в себе»). Вот почему всякая научная истина является относительной и конкретно-исторической, а реальным ее маркером

является консенсус соответствующего дисциплинарного сообщества как главного субъекта научного познания [18].

Ключевые слова: объект научного познания, субъект научного познания, научное сообщество, научная истина, научный консенсус.

Abstract

The article examines a double understanding in epistemology history categories object and subject of scientific cognition. For the first time the double understanding category object as "thing itself" and "thing for us" marked I. Kant. In its "Critic of clean mind" he proved the correct understanding of object in philosophy and science only as "thing for us". So it was happened in nonclassical science. From beginning the relativist theory and the quantum mechanics a science considers, that the object of scientific cognition no exist without registration a cognitive conditions and means fixation of object. A science constantly experimental prove, that almost all object properties are relative to the system their description and also accepted of researches the certain theoretical and practical reasons. In the real science object and subject cognition always connection in the unity cognition system ("no object without subject"). In modern epistemology there is analogy situation of double understanding a subject of scientific cognition. Who is the real subject of scientific cognition: an individual scientist (investigator – "robinson") or scientific community as collective subject of cognition, as social cognitive system? It is obvious that the tradition or classical understanding of subject cognition as individual scientist was exactly psychologist. Today it is opposed to the socio-historical interpretation of the subject of scientific knowledge. Such a subject is always the bearer of an extensive system of previously accumulated knowledge in science, relying on it as an absolutely necessary condition for the implementation of the process of scientific knowledge. Previously accumulated knowledge for the real subject of scientific knowledge is always a priori, although relative, that is, changing depending on the goals, conditions and objectives of knowledge. This inevitably leads scientific knowledge not only to the historical pluralism of scientific knowledge, as the whole history of science, as a whole, as well as any individual science, but also to the availability of alternative scientific approaches and concepts in each era. The transcendental subject of scientific knowledge (or "subject in General") does not exist in science in the same way as there is no transcendental object (or "thing in itself"). That is why any scientific truth is relative and specifically historical, and its real marker is the consensus of the relevant disciplinary community as the main subject of scientific knowledge [18].

Keywords: object, subject, scientific cognition, scientific true, scientific society, scientific consensus.

В истории философии науки было выработано два принципиально различных понимания основных категорий теории научного познания: объект и субъект научного познания [6]. Начнем с анализа двоякого понимания категории объект научного познания. Первое понимание – это «метафизическая» или трансцендентальная трактовка данного понятия. При нем объект понимается как имманентный элемент объективной реальности, существующий вне и независимо от познающего субъекта. Это – традиционное, докантовское понимание категории объект. В отличие от субъективной реальности объективная реальность считалась самодостаточной и функционирующей на основе присущих ей внутренних законов. При этом часто объективная реальность просто отождествлялась с природой (Космосом). Позднее (например, в марксистской философии) в объективную реальность стали наряду с природой включать также и социальную реальность и, прежде всего, экономический базис общества (его производительные силы и производственные отношения). При таком более широком понимании объективной

реальности объектами стали не только природные процессы и явления, но и материальные структуры общества, созданные при непосредственном участии человеческого сознания, в том числе и с использованием научного знания. Это такие элементы социума, как производительные силы общества, материальная инфраструктура, техника, технологии, оборудование, приборная и экспериментальная база науки, социальные институты, да и сами люди как субъекты трудовой деятельности, а также носители определенных социальных функций. Подобное расширенное понимание объективной реальности позволяло рассматривать человека как особый случай объекта, а именно, как объекта, наделенного сознанием и волей. Однако оно вступало в логическое противоречие с прежним метафизическим определением объективной реальности как реальности, существующей вне и независимо от человека. Впервые радикально отличное от рассмотренного выше метафизического понимания категорий «объект» и «объективная реальность» было предложено в XVIII в. И. Кантом [1]. Он предложил понимать под «объектом» то, на что направлено наше познание, то есть понимать объект познания как предмет познания. Соответственно, согласно Канту, в науке не может быть объекта без субъекта познания. В отличие от первого, «метафизического» понимания объекта кантовское понимание получило в философии название «интенциональной концепции объекта». Кант впервые предложил также во избежание путаницы терминологически закрепить две этих разных концепции объекта разными терминами: «вещь в себе» (для обозначения метафизической концепции объекта) и «вещь для нас» (для обозначения интенционального понимания объекта). Позже кантовское понимание объекта будет обобщено Гуссерлем. У него объект уже стал пониматься как то, на что направлено сознание вообще, а не только познающая часть сознания.

Каков же критерий существования объекта как «вещи для нас»? Здесь правильным ответом мог быть только такой: единого или универсального критерия существования объекта как вещи для нас не существует, поскольку удостоверение сознанием его существования зависит от типа или уровня сознания: в частности, от того, чувственное это познание или рациональное [5; 12]. Чувственное познание требует для признания существования объекта как вещи для нас соблюдения следующих двух условий: 1) его фиксацию в чувственном опыте и 2) повторного (желательно многократного) воспроизведения в чувственном опыте. Ясно, что реализация второго условия более всего возможна в экспериментальном исследовании, где изучаемый объект может быть воспроизведен потенциально неограниченное число раз [16; 17]. При рациональном способе удостоверения существования объекта как вещи для нас требуется выполнение других условий: 1) непротиворечивости мысленно данного объекта; 2) простоты его содержания с целью возможности непосредственного (интуитивного) восприятия мышлением; 3) возможности его потенциально неограниченного воспроизведения в мышлении [7; 13; 14].

Необходимо отметить, что в современной науке понятие объекта употребляется в основном в кантовском смысле как «вещи для нас» со всеми вытекающими отсюда гносеологическими и методологическими последствиями. Первым неизбежным гносеологическим следствием понимания объекта как «вещи для нас» стало утверждение «без субъекта нет объекта» [3; 6]. Вторым методологическим следствием такого понимания объекта стало в науке понимание того, что всякое знание об объекте всегда относительно, поскольку коррелятивно той когнитивной системе отсчета, той «когнитивной оптике», которая используется при его познании [8; 11]. Третьим следствием понимания объекта как «вещи для нас» стало осознание того, что человек вообще и наука, в частности, в принципе не способны достичь абсолютно объективного («трансцендентального») знания о действительности (абсолютно истинного знания о ней) [6; 18]. Всякое знание о любом

объекте является всегда принципиально условным и предпосылочным, имеющим форму «Если ..., то ...». Без предпосылочного знания об объектах в принципе не существует. Четвертым следствием понимания объекта как «вещи для нас» явился вывод, что всякое знание об объектах, в том числе и научное, в строгом смысле слова является не чисто объективным, а субъективно-объективным. Это знание зависит не только от содержания «вещи в себе», но и от наличных условий и средств ее познания: экспериментальной ситуации, научных приборов, накопленного ранее знания, познавательной и практической установки исследователя, его познавательного интереса, творческого потенциала («продуктивного воображения» – Кант) и, наконец, когнитивной воли в принятии научных решений и др. [7]. Пятым методологическим следствием понимания объекта как «вещи для нас» (правда, при условии отказа от кантовского абсолютного априоризма) стало признание неизбежности теоретического плюрализма в науке как ее естественного состояния. Более того, необходимо признать, что плюрализм в науке вместе с прогрессом науки будет только возрастать. При этом существование в науке альтернативных подходов в отношении познаваемых объектов вовсе не означает субъективизма научных концепций. В научном познании существует система регуляторов, ограничивающих творческий плюрализм исследователей и способствующая возможности достижения ими общезначимого знания. И одним из важных таких регуляторов является сам коллективный характер научного познания, социальность субъекта научного познания, диалог членов научного сообщества при оценке различных концепций, который в итоге должен заканчиваться достижением определенного научного консенсуса, конечно, при этом не абсолютного, а только относительного, хотя и возможно весьма долговременного [6; 9; 18]. Концепции социальной природы субъекта научного познания противостоит, с одной стороны, традиционное «метафизическое» или трансценденталистское его понимание, как носителя врожденных или априорных (одинаковых для всех людей) познавательных способностей (Декарт, Кант, Гуссерль и др.). А с другой ему противостоит понимание субъекта как носителя сознания, являющегося *tabula rasa*, содержание которого наполняется только благодаря воздействию на него объектов как вещей в себе, являясь отражением этого воздействия (материализм). Оба этих понимания субъекта познания (априористское и *tabula rasa*) оказались фактически и методологически несостоятельными. При их принятии оказалось в принципе невозможно адекватно ответить на реальный вопрос современной науки о том, как возможна в науке объективная но, вместе с тем, лишь относительная истина (с точки зрения как ее полноты, так и адекватности). А именно о таком характере истинности научного знания убедительно свидетельствует вся история науки, области человеческого познания, где контролю научного познания, методологии получения, проверки и обоснования знания уделяется наиболее пристальное внимание по сравнению со всеми другими видами человеческого познания.

Как известно, вопрос о возможности достижения истины в научном познании был впервые поставлен еще в Новое время, в эпоху становления современного естествознания. Так, в эпистемологии Р. Декарта утверждалось, что научная истина имплицитно (неявно) находится в человеческом уме и имеет так сказать «врожденный характер». Выявляется же она с помощью «естественного света» разума путем использования определенного набора его средств (сомнения, критики, интеллектуальной интуиции, дедукции) [4]. Другой крупный философ науки Нового времени Ф. Бэкон поставил важный вопрос о факторах, затемняющих или искажающих научную истину, развил свою концепцию идиологов или «призраков» истины. Он же предложил и главный метод устранения этих призраков (призраков толпы, театра, рынка и др.). Таким методом должно быть экспериментальное исследование объекта познания и индуктивное обоснование научной истины [4; 11; 12]. Только таким образом полученное знание, полагал он, способно увеличить могущество человека и дать ему

реальную власть над природой. Попытка примирить рационализм Декарта и эмпиризм Бэкона в вопросах научной истины была предпринята И. Кантом [1]. Основой такого примирения по Канту должно быть признание философами и учеными существования необходимых априорных предпосылок осуществления любого акта познания, как чувственного, так и рационального. Хотя научное познание, утверждал Кант, начинается с опыта, это отнюдь не означает, что оно логически вытекает, следует из чувственного опыта. Условием получения научных знаний о познаваемых объектах является структурирование полученной о них чувственной информации в ходе взаимодействия познающего сознания с объектом с помощью априорных форм чувственного созерцания (в частности, заложенных в нем представлений о пространстве и времени), а также рассудка (основные онтологические категории, формы и законы мышления). Эти априорные структуры образуют когнитивную структуру, создающую саму возможность продуцирования и конституирования истинных суждений и научных доказательств. Однако априоризму Канта не суждено было стать общезначимой теорией научной истины.

Первым серьезным возражением кантовской эпистемологии явилось неприятие научным сообществом кантовского учения о якобы «трансцендентальном», вневременном характере субъекта научного познания. Такому пониманию был противопоставлен реальный исторический и социальный субъект научного познания [3; 5; 9]. Социальный характер субъекта научного познания четко обозначился уже в конце 19-го – начале 20-го в., времени формирования так называемой «большой науки» (термин известного науковеда Дж. Прайса). Этот тип науки пришел на смену прежней, так называемой «малой науке», где главным действующим лицом был действительно отдельный ученый. В период существования малой науки общее число ученых во всем мире не превышало нескольких десятков тысяч по всем отраслям науки. Многие философы и методологи науки по-прежнему рассматривают в качестве субъекта научного познания либо отдельного ученого (а это аналог «гносеологического Робинзона»), либо как Кант «ученого вообще» или «трансцендентального субъекта». Тогда как основным субъектом современной науки является уже не отдельный ученый (каким бы талантливым он ни был), а научный коллектив и, прежде всего, дисциплинарное научное сообщество [2; 9]. Почему так важно акцентировать этот момент? Потому что субъект – объектное познавательное отношение – существенно оказывается детерминированным различного рода социальными, коммуникационными и организационными требованиями и ограничениями функционирования субъекта научного познания. Деятельность отдельных ученых в научных коллективах и организациях подчинена законам разделения труда в рамках функционирования коллективного субъекта науки. Она существенно диверсифицирована, специализирована и организована по принципу дополнения в рамках деятельности целостного субъекта науки (экспериментаторы, теоретики, создатели полезных моделей и опытно-конструкторских разработок, инженеры, математики-прикладники, экономисты, менеджеры, руководители научных программ и т.д.). Любой научный коллектив, решающий определенный класс проблем и задач, всегда действует как единое целое, как единый субъект. Одним из следствий социального характера субъекта научного познания является то, что субъект – субъектные отношения между членами профессионального научного сообщества стали иметь не меньшее значение для эффективного осуществления познавательной деятельности, чем субъект – объектные отношения между ученым и познаваемой им объективной реальностью. Соответственно, исследование процесса научного познания, осуществлявшегося когда-то в категориях традиционной эпистемологии и методологии науки, сегодня должно быть дополнено социологическим, историческим, психологическим, герменевтическим и праксиологическим контекстами его анализа [18].

Вторым важным шагом на пути критики и преодоления кантовской эпистемологии явилось осознание следующего обстоятельства: предпосылочность научного познания в целом как его опора на ранее полученное знание, безусловно, имеет место в любом акте научного познания. Но предпосылочное знание в науке имеет не абсолютно-априорный характер, как полагал Кант, а только относительно-априорный и исторический [4]. При этом оказалось, что оно детерминировано не только результатами своего предшествующего развития, но и наличными социокультурными условиями [15]. Так возникла тенденция, ставшая сегодня устойчивой в методологии науки: признание детерминации научного познания и его результатов не только содержанием изучаемых объектов и накопленным ранее научным знанием и методами его получения, но и социокультурным контекстом функционирования науки и научного познания. В отличие от классической методологии науки с ее идеей трансцендентального субъекта познания, для современной философии науки субъект научного познания это не некое абстрактное, вне мира ютящееся существо, а вполне конкретное. Это – реальные ученые или их коллективы, оперирующие физическими приборами, инструментами измерения, накопленными ранее научными знаниями и находящиеся во вполне конкретной «познавательной позиции» [15].

Если попытаться дать обобщенное описание той познавательной ситуации, в которой находится реальный субъект научного познания, то она состоит из двух основных элементов: предмета познания и условий познания. В объективированном языке условия познания могут быть обобщенно названы «когнитивной системой отсчета». Содержание этой системы образует совокупность определенных предпосылок философского («метафизического»), исторического, социокультурного, научно-теоретического и физического характера (реальная физическая система отсчета или условия наблюдения), с позиций которых и рассматривается конкретный предмет познания. По своему онтологическому статусу «когнитивная система отсчета» является вполне объективной, так как никогда не является продуктом конструктивной деятельности ни отдельного ученого, ни даже коллективного субъекта научного познания, поскольку почти все ее элементы, как правило, «присваиваются» субъектом познания из арсенала существующей культуры. С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что субъект научного познания является активным конструктором когнитивной системы отсчета. Именно он своей волей и творчеством «собирает» ту или иную когнитивную систему отсчета и идентифицирует себя с ней. Поэтому для полного понимания содержания когнитивной системы отсчета всегда очень важно знать характеристики самого познающего субъекта: кто познает, как (с помощью каких средств) познает, наконец, для чего (с какой целью, целями) познает. Очевидно, что ответ на последний вопрос невозможен вне анализа ценностной сферы познания [10]. Хотелось бы также подчеркнуть два следующих момента. Во-первых, субъект научного познания играет активную роль не только в формировании условий познания, но и в решении вопроса о том, что познается (содержание предмета познания). Это – также результат определенного когнитивного решения субъекта, а не просто (не только) детерминации сознания субъекта со стороны объекта («вещи в себе»). В качестве факторов, существенно определяющих перспективу видения познаваемого объекта, могут выступать следующие детерминанты: накопленные знания, практические потребности, цели и задачи познания, идеалы и нормы научного исследования, мировоззренческие и философские основания. Эти факторы могут быть как устойчивыми, долговременными, глубинными, так и быстро меняющимися, случайными, ситуационными. Но во всех случаях они выступают как реальные основания и предпосылки процесса научного познания и соответственно получения определенного научного знания как своего результата.

Литература

1. *Кант И.* Критика чистого разума// Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. М., 1964.
2. *Лебедев С.А.* Единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания// Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2010. – № 2(8). – С. 5–10.
3. *Лебедев С.А., Авдулов А.Н.* История и философия науки. Под общ. ред. С.А. Лебедева. М.: Академический проект. 2007.
4. *Лебедев С.А.* Пересборка эпистемологического// Вопросы философии. – 2015. – №6. – С. 53–64.
5. *Лебедев С.А.* Философия науки. М.: Академический проект. 2010.
6. *Лебедев С.А.* Курс лекций по философии науки. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2014.
7. *Лебедев С.А.* Две парадигмы природы научной истины// Журнал философских исследований. – 2018. – № 4. – С. 3–11.
8. *Лебедев С.А.* Основные модели развития научного знания//Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84. – № 6. – С. 506.
9. *Лебедев С.А.* Консенсуальная природа научных истин// Известия Российской академии образования. – 2018. – № 2. – С. 5–17.
10. *Лекторский В.А.* Классическая и неклассическая эпистемология. М., 2001.
11. *Лебедев С.А.* Постнеклассическая эпистемология: основные концепции//Философские науки. – 2013. – № 4. – С. 69–83.
12. *Лебедев С.А.* Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания//Вопросы философии. – 1980. – № 6. – С. 87–95.
13. *Лебедев С.А.* Структура научной рациональности//Вопросы философии. – 2017. – № 5. – С. 66–79.
14. *Лебедев С.А.* Проблема истинности научной теории// Гуманитарный вестник МГТУ. – 2018. – № 4. – С. 2.
15. *Лебедев С.А.* Постнеклассическая эпистемология: основные концепции//Философские науки. – 2013. – № 4. – С. 69–83.
16. *Лебедев С.А., Твердынин Н.М.* Гносеологическая специфика технических и технологических наук//Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2008. – № 2. – С. 44–70.
17. *Лебедев С.А.* Методологические аспекты динамики научного знания//Журнал философских исследований. – 2017. – Т. 3. – № 4. – С. 1–22.
18. *Lebedev S.* Scientific truth: social issue and consensual character//European Journal of Philosophical Research. 2018. № 5. С. 58-67.